

Ю.В. Лиморенко

Институт филологии СО РАН, Новосибирск

**Заметки о русских заимствованиях
в языке эвенкийского фольклора**

Аннотация: Статья посвящена исследованию русских слов, заимствованных в язык эвенкийского фольклора. Материалом для исследования служат тексты, включенные в рукопись тома «Обрядовая поэзия и песни эвенков» двуязычной академической серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока». Показано, что в обрядовых и песенных текстах присутствуют как старые, так и сравнительно современные заимствования, причем в песнях и в описаниях обрядов они более часты, чем в текстах благословений и заклинаний.

The paper deals with Russian loanwords entering the language of Evenki folklore. The data for the study are texts included in the volume «Ritual Poetry and Songs of Evenki» of the bilingual book series «Records of the Folklore of the Peoples of Siberia and the Far East», published as results of verified academic research. It is demonstrated that Evenki ritual texts and songs involve both old-borrowed Russian words, as well as modern ones. It is also shown that in the songs and descriptions of rituals and ceremonies borrowed words are more common than in blessings and incantations.

Ключевые слова: фольклор эвенков, заимствованные слова, эвенкийский язык, русский язык, обрядовый фольклор, народные песни.

Evenki folklore, loan words, Evenki language, Russian language, ritual folklore, folk songs.

УДК: 398 + 811.512.212 + 81'373.45

Контактная информация: Новосибирск, ул. Николаева, 8. ИФЛ СО РАН, сектор фольклора народов Сибири. Тел. (383) 3301452. E-mail: limorenko@ngs.ru.

Вопрос о количестве и характере слов, заимствованных из русского языка в язык эвенкийского фольклора, встал в связи с подготовкой тома «Обрядовая поэзия и песни эвенков» [Обрядовая...] академической серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока». Образцы фольклора, включенные в том, за вычетом материалов из книг Г.М. Василевич [Василевич, 1936] и М.Г. Воскобойникова [Воскобойников, 1960], записаны в промежутке от середины 70-х годов XX века до 2011 года. В них зафиксировано современное состояние эвенкийского языка, особенно интересное тем, что в произведениях обрядового жанра традиционная архаическая лексика (шаманская, промысловая) употребляется наравне с русскими заимствованиями, в большинстве своем датированными XX веком (более подробно о датировке заимствований речь пойдет далее). Проникновение русских слов в язык народов Сибири и Дальнего Востока – процесс давний, и особенно интенсивно он идет с развитием современных средств связи и массовой информации. Наиболее полное представление об этом процессе, начиная со времени первых контактов русских с сибирскими этносами, дает словарь русских заимствований в языках Сибири и Дальнего Востока, составленный А.Е. Аникиным [Аникин, 2003]. Эта тема изучена не так подробно, как тема про-

никновения лексики из сибирских языков в русский (в том числе – в диалекты)¹. Некоторые наблюдения над русизмами в эвенкийском фольклоре смогут дать новую информацию по этому актуальному вопросу.

В рамках статьи предполагается поставить ряд взаимосвязанных вопросов, касающихся судьбы русских заимствований в языке эвенкийского фольклора:

- 1) можно ли говорить о сколь-нибудь точной датировке появления русизмов в языке фольклора;
- 2) в какой степени заимствования получили фонетическое и грамматическое освоение в воспринимающем языке и всегда ли принципы этого освоения соблюдаются в полной мере;
- 3) можно ли говорить о жанровой специфике заимствованной лексики в обрядовых текстах и в лирических песнях.

Материалом для нашего исследования служат тексты тома «Обрядовая поэзия и песни эвенков». В 180 текстах, включенных в том, обнаружены словоформы, образованные более чем от 60 различных основ, имеющих русское происхождение. Часть этих слов уже давно бытует в эвенкийском языке и включена в эвенкийско-русские и русско-эвенкийские словари², другая (большая) часть употребляется исполнителями текстов в устной речи, но в словарях не зафиксирована. Нередко русские слова используются как дублиеты эвенкийских, причем в одном тексте могут встречаться и русское, и эвенкийское название одного и того же объекта.

Наименования единичных объектов, напр., название праздника *Новай год* 'Новый год', в наш список не включены.

Проникновение русизмов в язык фольклора связано прежде всего с тем, что тексты многих жанров (особенно повествовательных) исполнители воспроизводят на повседневном бытовом языке, а он в последние столетия подвержен мощному русскому влиянию. Подобный процесс отмечен, например, в шорском фольклоре [Арбачакова, Рожнова, 2008]: у шорцев контакты с русскими еще более давние, чем у эвенков.

История контактов русских с эвенками, по-видимому, начинает отсчет с середины XVI века [Василевич, 1969, с. 9]. Давние контакты двух этносов объясняют наличие среди русских заимствований лексику, которая в современном русском языке является устаревшей (об одном из таких заимствований будет подробно сказано ниже).

У современных эвенков своеобразие заимствования русской лексики состоит в том, что русские слова они усваивают из разных источников. Эвенки Дальнего Востока воспринимают их напрямую из русского, а эвенки Якутии, хотя и в меньшей степени, – через другой язык-посредник – якутский, куда русизмы проникают уже более двухсот лет. По фонетическому облику слов можно иногда судить об источнике русизма. Так, слово *остѳл* 'стол' (тексты 89³, 90, 179) бытует у эвенков в той же форме, что у якутов: как якутское оно зафиксировано еще в словаре Пекарского в формах *остуол*, *устуол*, *остѳл*, *стуол* [Пекарский, 1959, стлб. 1889]. Фонетическое освоение проявилось в том, что в начале слова перед стечением согласных *ст-* появилась гласная. Словарь А.Е. Аникина приводит эвенкийскую форму *остол* рядом с якутской, причем отмечено присутствие этого заимствования во многих языках Сибири [Аникин, 2003, с. 573–574]. От формы *остѳл* образуется и динимутивная форма *остѳлкон* 'столик' (текст 89).

¹ Обширную литературу по этому вопросу можно найти, напр., в: [Аникин, 2000].

² См., напр.: [Василевич, 1940; 1958; Мыреева, 2004; Болдырев, 1994; 2000].

³ Номера текстов здесь и далее даются по оглавлению рукописи тома «Обрядовая поэзия и песни эвенков».

О характере освоенности заимствования может говорить сравнение старых, устоявшихся, и новых заимствований. В форме *остбл*, как мы видели, нет начального стечения согласных. В более позднем заимствовании *сталной* ‘стальной’ начальное стечение сохранено без изменений. Возможно, сравнительно поздним является и заимствование *дежурнай* ‘дежурный, часовой’ (текст 138, зап. в 1989 г. в Амурской обл.), где не утрачен и не заменен звук [ж], не свойственный эвенкийской фонетической системе. Ср. *Сеня* ‘Женя’ в обрядовом тексте, записанном в 1980 г. в Амурской обл. (текст 70), – здесь звук [ж] выступает как неосвоенный несмотря на то, что он используется в имени сына исполнителя.

Косвенным свидетельством давнего бытования русизма в воспринимающем языке может быть количество форм, в которых он известен. Исходя из этого предположения, одним из самых давних и общеупотребительных русских заимствований следует считать слово *нада*, *на́да*, *надачи* ‘надо’, зафиксированное пять раз в разных текстах. В словаре А.Е. Аникина указана форма *надэ* с долгим э [Аникин, 2003, с. 398]. Его можно считать прочно вошедшим в язык, поскольку его фиксирует эвенкийско-русский словарь А.Н. Мыреевой — в форме *на́да* [Мыреева, 2004, с. 390]. Помимо трех зафиксированных форм (при одной-двух формах у большинства других русизмов), о широком использовании этого слова может говорить образованная от него и также зафиксированная в фольклорном тексте форма *на́даду* ‘если надо’ (текст 96). Грамматическое освоение заимствованного слова выразилось в том, что оно активно участвует в словообразовании.

Другим популярным русским по происхождению словом, имеющим несколько форм, в текстах оказалось слово *печи* ‘печь’. В различных текстах встретились шесть случаев употребления этого слова в нескольких формах: *печи дагадун* ‘возле печи’ (два случая), *печилэ* ‘на печь’, *печивэ-нюн* ‘и печку’, *печилэи* ‘к печи’, *печиткэи* ‘к печке’. Печь как предмет русского быта стала широко известна у эвенков главным образом в виде печки-«буржуйки». Железная печка с разборной трубой, которую можно поставить в палатке, чуме и навьючить на оленя при перекочевке, стала атрибутом кочевого, а затем и оседлого быта. В одном из текстов рукописи мы встречаем фразу: «Садиться верхом на него [священного оленя] – запрет, на него навьючивают только суму-инмэк, короб-муручун и печку». Как видим, печка – вместилище огня – почиталась священным предметом наряду с сумой-инмэк, в которой возили предметы домашнего культа, и коробом-муручуном, где женщины хранили принадлежности для рукоделия (с ними связан ряд ритуальных запретов). Характерно, что в эвенкийском языке в качестве формы именительного падежа закрепилась форма русского родительного ‘печи’. Возможно, это связано с тем, что согласно правилам эвенкийской фонетики слова не оканчиваются на звук [ч] – после него обязательно должен быть гласный. Другие падежные формы от основы *печи*- образуются по обычным эвенкийским правилам – как от основы на гласную.

В текстах тома отмечено присутствие очень старых заимствований; в русском языке эти слова уже стали историзмами. Так, в тексте о промысловых обрядах после заклинания, произносимого при встрече с медведем, в описании действий героини обнаружена форма *пишэлан* ‘выстрелила [из ружья]’. Глагол образован по эвенкийской модели от основы *пишэл*-, а она, в свою очередь, представляет собой русское слово «пищаль» в измененном фонетическом облике (в словаре А.Е. Аникина слово зафиксировано в форме *пишал* [Аникин, 2003, с. 452]). В изученных текстах встречается несколько русизмов, связанных с огнестрельным оружием: *бердаңкаи* ‘у берданки’, *винтовкава* ‘винтовку’, *патронми* ‘патрон свой’ (вин. п.), *пистонди-нюн* ‘одним пистоном’, *чбмтур* ‘шомпол’. Все эти слова обозначают относительно современное огнестрельное оружие и боеприпасы для него, в то время как пищаль – оружие значительно более ранней эпохи. Героиня текста стреляла, конечно, не из пищали, а из охотничьей винтовки. Это следует из текста: он записан в 2011 г. от исполнительницы 1939 года рождения и рассказы-

вает о ее матери, которая встретила в лесу медведицу. Таким образом, можно предположить, что описанный случай произошел в первой половине XX века. Исполнительница и ее мать проживали в Томской области, где эвенкийский язык имеет заметные отличия от языка эвенков Якутии и Дальнего Востока (это показывает и сам текст, изобилующий формами местного диалекта). Возможно, сохранение старинного русизма – не единичный факт в диалекте эвенков Томской области, но это предположение требует дальнейшего исследования.

Давним заимствованием следует считать слово *пулāt* ‘плат, платок’ (тексты 6, 99 рукописи) с эпентитическим у – оно отмечено не только А.Е. Аникиным как заимствование [Аникин, 2003, с. 453–454], но и эвенкийско-русскими словарями как заимствование освоенное [Василевич, 1940, с. 109; Мыреева, 2004, с. 480, 482]) в формах *пулāt* и *пилāt*. Падежные формы *пулāтви*, *пулāтнэ*, зафиксированные в текстах, образуются по правилам эвенкийской грамматики как от основы на согласный.

К таким же хорошо освоенным давним заимствованиям относится слово *солото*, *сōлото* ‘золото’. Эвенкийско-русские словари его не фиксируют, но легкость образования различных форм от основы *солот-* указывает на его широкое бытование. Словарь А.Е. Аникина дает форму *солото* как единственную известную в эвенкийском языке [Аникин, 2003, с. 219]. В текстах встречаем формы *сōлотольди* ‘золотом своим’ и *солотōканма* ‘золотишко твоё (вин.п.)’; здесь звук [з] оглушается, однако в названии посёлка Золотинка (*Золотинка поселкадун* ‘В Золотинке-посёлке’, текст 149) оглушения не происходит.

Интересна в этом отношении судьба слова *патрōн*. Словарь А.Е. Аникина приводит три известных формы этого заимствования (*паторон*, *патрон*, *боторон*) и указывает, что в эвенкийском языке оно появилось через посредство якутского [Аникин, 2003, с. 438]. Словари эвенкийского языка самого слова *патрōн* не фиксируют, однако дают образованное от него слово *патрōрук* [Мыреева, 2004, с. 479], *пāтрэрук* [Василевич, 1940, с. 108] ‘патронташ’. Суффикс *-рук*, обозначающийместилище чего-л., предмет, предназначенный для хранения чего-л., присоединяется к заимствованной основе согласно эвенкийским правилам: с отсечением конечного звука *-н* основы. Указание Е.А. Аникина на якутский путь появления слова *патрōн* в эвенкийском языке позволяет предполагать, что это случилось достаточно давно – возможно, в XIX в., и производное слово *патрōрук* также успело закрепиться в языке.

Одно из самых распространённых в эвенкийских текстах заимствований – это слово *тэлки* от рус. ‘только’. Особенность его употребления в эвенкийском состоит в том, что оно приобрело множество близких друг к другу значений, среди которых значение ‘только’ – не главное. В текстах слово *тэлки* переводится как ‘только; кстати; хорошо, что; опять, ещё; тоже’ в соответствии со значениями, приводимыми в эвенкийско-русских словарях [Мыреева, 2004, с. 648]. Согласно словарю Е.А. Аникина, это слово фиксировалось также в значении ‘то же, то же самое’ [Аникин, 2003, с. 611]. Наши материалы показывают, что в пределах одного текста это слово может приобретать в зависимости от контекста различные значения. Это может служить косвенным показателем хорошей освоенности заимствования в принимающем языке.

Заимствованное слово, одинаково часто встречающееся и в описаниях обрядов, и в песенном фольклоре, – это слово *палātка* / *балātка* ‘палатка’. Этим словом обозначают и временный шалаш охотника, и летнее жилище эвенков. В словаре А.Е. Аникина приводятся формы *палаткэ*, *балаткэ* (со ссылкой на словарь Г.М. Василевич 1958 г.). Звуковой облик слова практически не пришлось приспособлять к эвенкийской фонетике, за исключением озвончения начального *п*.

Как и в других языках Сибири, в эвенкийском русские заимствования закрепляются как в виде наименований вновь появившихся, ранее не известных пред-

метов (*винтовка, пулька, печи*), так и в качестве иноязычных дублетов к эвенкийским словам: *бабуска* – энэ ‘бабушка’, *папирбска* – дамга ‘табак, курево’, *солото* – мэнун ‘золото’ и другие. Наш материал показывает, что даже в пределах одного текста эти дублеты могут использоваться рядом: *дамгая, папирбская уйден* ‘табак, папироску привяжет’ (текст 21). Нужно отметить, что непосредственно в текстах заклинаний, стихотворных по природе и строящихся из типовых элементов, заимствований почти не встречается. Зато в описаниях, сопровождающих ритуальные тексты, они изобилуют особенно там, где речь идет об охоте и бытовой сфере. В первом случае часты заимствованные названия оружия и боеприпасов (их список приведен выше), во втором – названия предметов одежды и домашней утвари: *печи* ‘печь’, *пулат* ‘плат, платок’, *истан* ‘штаны’ (с протетической гласной перед сочетанием согласных), *урбаки* ‘рубаша, платье’ (еще одно старинное заимствование), *битылька* ‘бутылка’, *бюлюсэ* ‘блюдец’, *тэрелькэ* ‘тарелка’, *урумкэ* ‘рюмка’, *часки* ‘чашка’, *лбска* ‘ложка’, *кумаги* ‘бумага’, *ковордб* ‘сковорода’, *испискэ* ‘спичка’ (с протетическим гласным), *ярмаркала* ‘на ярмарку’ и др. В числе заклинательных текстов, где встречается множество русских заимствований, следует назвать лишь шаманское камлание М.П. Кульбертиновой (текст 144). В песнопениях и заклинаниях шаманки, не знавшей русского языка, находим русские названия предметов быта и реалий городской жизни: *печи* ‘печь’, *контбра* ‘контора’, т.е. место работы, службы, *горот* ‘город’, *сэмэлбт* ‘самолет’, *урумкэ* ‘рюмка’, *часки* ‘чашка’, термины родства: *сва́тылби* ‘сваты’, *бабуска* ‘бабушка’ (этим словом шаманка называет саму себя так же, как ее называют русскоговорящие внуки). В речи шаманки, обращенной к духам и к присутствующим на камлании, употребляются также якутские заимствования русского происхождения: *дорово* ‘здорово, здравствуй’ и *пасйва* ‘спасибо’.

Заметно отличаются по частоте использования заимствований тексты песен. Если традиционные запевы круговых танцев, имеющие типическую структуру, почти не включают заимствований (кроме уже упоминавшихся *дорово* и *пасйва*, отмеченных даже в эпических сказаниях [Эвенкийские героические сказания, 1990]), то лирические песни, сложенные исполнителями как итоги их раздумий о жизни, воспоминаний, изложение непосредственных впечатлений, т.е. тесно связанные с повседневной жизнью, дают много примеров употребления слов, пришедших из русского языка.

Среди заимствований, встреченных в песнях (наряду с теми, что встречаются в описаниях обрядов), есть и названия предметов и реалий, не свойственных традиционной эвенкийской культуре и оставшихся достаточно чуждыми ей (*алмасилин* ‘алмазами своими’, *пастукил-нэн* ‘пастухи-то’ и др.), и обозначения понятий, вошедших в повседневную жизнь эвенков: *горот / город* ‘город’, *пёнся-гу* ‘в пенсии’. Характерной особенностью песенных текстов является множество окказиональных употреблений русских слов с минимальным фонетическим освоением. По частоте окказиональные русизмы у эвенков Якутии соперничают с якутизмами, которые постоянно проникают в речь двуязычных жителей республики. Таковы слова *обсественнай* ‘общественный’, *юктэк севертыкакун* ‘с юга на самый север’, *оровнайкан* ‘с ровными’, *кболоһилты* ‘голоса наши’, *думадянай* ‘думаю’, получающие в поэтической речи грамматическое оформление в соответствии с правилами эвенкийского языка. Легко заметить, что если среди заимствований, вошедших в язык, подавляющее большинство – существительные, то окказиональные русизмы относятся также к прилагательным и глаголам.

Изучение русских заимствований в эвенкийском песенном фольклоре, а также в описаниях обрядов показало, что значительная часть русизмов закрепились в языке, получив фонетическое и грамматическое оформление и продуктивно участвуя в словообразовании. В ряде случаев можно сделать вывод о времени, когда то или иное русское слово вошло в эвенкийский язык. Наличие или отсутствие заимствованного слова в эвенкийско-русских словарях не всегда может

служить признаком его освоенности или неосвоенности. В традиционные тексты заклинаний русизмы почти не проникают, однако в описаниях обрядов они встречаются во множестве, называя преимущественно предметы домашнего обихода, оружие и вещи, необходимые на промысле. В песенных текстах наряду с заимствованиями, вошедшими в язык, встречается много окказиональных русизмов, относящихся к различным частям речи, в то время как закрепившиеся в языке заимствования – чаще всего существительные.

Вопрос о проникновении иноязычной лексики в язык эвенкийского фольклора, конечно, заслуживает более подробного и внимательного изучения. Интерес представляют не только русские, но и якутские заимствования; по нашим наблюдениям, количество якутизмов в песенном фольклоре эвенков также выше, чем в обрядовых текстах.

Литература

Арбачакова Л.Н., Рожнова С.П. Русизмы в шорских фольклорных текстах // Традиции и инновации в современном фольклоре народов Сибири. Новосибирск, 2008. С. 63–70.

Аникин А.Е. Этимологический словарь русских диалектов Сибири. Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. М.; Новосибирск, 2000.

Аникин А.Е. Этимологический словарь русских заимствований в языках Сибири. Новосибирск, 2003.

Болдырев Б.В. Русско-эвенкийский словарь. Новосибирск, 1994.

Болдырев Б.В. Эвенкийско-русский словарь: В 2 ч. Ч. 1: А – П. Новосибирск, 2000; Ч. 2: Р – Я. Новосибирск, 2000.

Василевич Г.М. Эвенки. Историко-этнографические очерки (XVIII – начало XX в.). Л., 1969.

Василевич Г.М. Эвенкийско-русский словарь. М., 1940.

Василевич Г.М. Эвенкийско-русский словарь. М., 1958.

Воскобойников М.Г. Эвенкийский фольклор. Л., 1960.

Мыреева А.Н. Эвенкийско-русский словарь. Новосибирск, 2004.

Обрядовая поэзия и песни эвенков / Сост. Г.И. Варламова, Ю.И. Шейкин. 27 а.л. (рукопись).

Пекарский Э.К. Словарь якутского языка. М., 1959. Т. III.

Эвенкийские героические сказания. Храбрый Содани-богатырь. Богатырь Дэвэлчэн в расшитой-разукрашенной одежде / Вступ. статья, подготовка текстов, перевод, комментарии и словари А.Н. Мыреевой. Нотные записи Ю.И. Шейкина. Фотоиллюстрации В.Т. Новикова. Новосибирск, 1990; грампластинка (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока).